

ЖАН-ЖАК РУССО О СВОБОДЕ**А. Ф. Дзябенко, Д. А. Литвиненко**Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградського
ул. Первомайская, 20, г. Кременчуг, 39600, Украина. E-mail dalant58@gmail.com

Проанализированы взгляды французского просветителя Жан-Жака Руссо о свободе человека в обществе и её значении, как для отдельного человека, так и человечества в целом. На основе анализа творчества мыслителя делаются выводы о значительном вкладе учёного в понимание категории свободы в сравнении с его предшественниками и отмечаются определённые противоречия в отношении просветителя к проблеме свободы, которые отделяют творчество Жан-Жака Руссо от идей других представителей эпохи Просвещения и сближают его с философской мыслью XIX–XX веков.

Ключевые слова: свобода, просвещение, права граждан.**ЖАН-ЖАК РУССО ПРО СВОБОДУ****О. Ф. Дзябенко, Д. А. Литвиненко**Кременчуцький національний університет імені Михайла Остроградського
вул. Першотравнева, 20, м. Кременчук, 39600. E-mail dalant58@gmail.com

Проаналізовані погляди французького просвітителя Жан-Жака Руссо на свободу людини в суспільстві та її значення як для окремої людини, так і людства загалом. На підставі аналізу творчості мислителя робляться висновки щодо значного внеску науковця в розуміння категорії свободи порівняно з його попередниками та відмічаються певні протиріччя у ставленні просвітителя до проблеми свободи, які відокремлюють творчість Жан-Жака Руссо від ідей інших представників епохи Просвітництва та наближають його до філософської думки XIX–XX століть.

Ключові слова: свобода, просвітництво, права громадян.

АКТУАЛЬНОСТЬ РАБОТЫ. Французский философ, писатель, историк Жан-Жак Руссо (1712–1778) жил в эпоху Просвещения, и его, по традиции, причисляют к просветителям. Но на самом деле, вероятно, этого не стоило бы делать. По своим философским позициям, социально-политическим предпочтениям он не вмещается даже в такие широкие, достаточно произвольно очерченные термином Просвещение, рамки. С одной стороны, Руссо не дорос до Просвещения, а с другой – перерос. И, возможно, само впечатление того, что он не дотянулся до понимания роли Разума и науки в обществе как раз и обусловлено тем, что он уже увидел их недостаточную роль, их завышенную оценку современными ему мыслителями. В трактовке же проблемы свободы Руссо сделал то принципиально новое, чего не смог сделать никто из его предшественников, да и современников.

Общие закономерности и различные аспекты общественно-политических взглядов Руссо исследовались такими известными в СССР и Украине учёными как Роланд-Гольст Г., Верцман И.Е., Асмус В.Ф., Лотман Ю.М., Сиволап И.И., Дворцов А.Т., Занадворова Т.Л., Занин С.В., Длугач Т.Б., Морлей Д. и др.

Целью представленной работы является анализ понимания проблемы свободы человека в творчестве Жан-Жака Руссо, определение личного вклада мыслителя в развитие мирового учения о свободе, определение методов достижения человеком состояния свободы с точки зрения Руссо и сопоставление их с современными концепциями.

МАТЕРИАЛ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Жан-Жаку Руссо принадлежат крылатые слова: «Человек рождён свободным, а между тем он везде в оковах» [1]. При этом мыслитель не ограничился

констатацией общепринятого тезиса, а внёс совершенно новый момент в эту проблему. Он попытался найти причину, которая привела к потере людьми той свободы в обществе, которой они первоначально располагали.

Тут следует отметить, что Руссо вошёл в круг известных философов тем, что нетрадиционно ответил на вопрос, поставленный темой конкурса Дижонской академии: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?». Он поставил под большое сомнение положительную роль науки в усовершенствовании нравов, да и жизни общества в целом.

Сейчас развитие науки уже вполне выявило свой противоречивый характер. Но в ту пору отрицание положительной роли науки выглядело совершенным диссонансом в среде прогрессивных мыслителей. А Руссо писал так: «...Развращённость и рабство во все времена становились возмездием за наше надменное стремление выйти из счастливого невежества, на которое нас обрекла вечная Мудрость. Казалось бы, густая завеса, за которую она скрыла от нас все свои пути, должна была бы указать нам то, что мы не предназначены для пустых изысканий. Но есть ли хоть один её урок, которым мы сумели бы воспользоваться, и хоть один урок, которым мы пренебрегли безнаказанно? Народы! Знайте, раз и навсегда, что природа хотела оберечь вас от наук, подобно тому, как мать вырывает из рук своего ребёнка опасное оружие. Все скрывающиеся ею от вас тайны являются злом, от которого она вас охраняет, а трудность изучения составляет одно из немалых её благодетелей. Люди испорчены, но они были бы ещё хуже, если бы имели несчастье родиться учёными» [2].

Принципально новый тезис для понимания свободы Руссо развил в работах «Об общественном договоре» и «О причинах неравенства». Как и многие другие философы XVIII века, он начинает анализ из представлений о естественном (догосударственном) состоянии общества. Но уже здесь его трактовка отличалась, например, от трактовки Гоббса или Локка. Руссо вводит в понимание человека историзм. Он говорит, что ошибка прежних философов в том, что «они говорили о диком человеке, а изображали человека в гражданском состоянии», т.е. уже здесь видно отличие позиции Руссо от господствующей точки зрения на человека, якобы имеющего неизменную, вечную природу.

По Руссо, сначала люди жили как звери. У них ничего не было общественного (социального) – даже речи, не говоря уже о морали или собственности. Они были равны между собой и свободны. Только постепенно складывались общественные связи, формировались общественные группы – семья, стадо, народность. Период выхода из состояния дикости, когда человек становится общественным и в то же время остаётся пока свободным – «самая счастливая пора». И вот только дальнейшее развитие цивилизации приводит к потере, регрессу свободы. Руссо полагал, что имущественное неравенство явилось неизбежным следствием частной собственности на землю: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это моё!» и нашёл людей, достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества» [2]. С этого момента происходит деление на бедных и богатых. Богатые начинают помышлять о «порабощении своих соседей» и вследствие этого появляется и политическое неравенство. Чтобы обезопасить себя и своё имущество, кто-то из богатых составил хитрый план: он предложил якобы для защиты всех членов общества от взаимных раздоров принять судебные уставы и создать мировые суды. Все согласились, полагая, что таким образом обретут свободу, и «бросились прямо в оковы». Так была создана публичная власть, государство. Была утрачена свобода, «ловкая узурпация» превратилась в «незыблемое право», которое обрекло «с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету». Последний предел неравенства наступает с перерастанием государства в деспотию, где нет ни правителей, ни законов – там одни тираны. Теперь отдельные лица становятся вновь равными себе в своём бесправии перед тираном.

Надо сказать, что уже и раньше высказывались мысли о роли собственности в жизни общества. В частности, ещё Томас Мор (1478–1535) в своей «Утопии» выразил взгляд на собственность как основу общества, определяющую его структуру, психологию, нравы, учреждения, законы. За несколько десятилетий до Руссо его соотечественник Жан Мелье (1664–1729) в своём «Завещании» резко отрицательно оценивал частную собственность и полагал, что не «общественный договор» создал государство, а обман, насилие, принуждение. (Правда, «Завещание» было опубликовано после смерти Руссо и он, скорее всего, не знал произведений ни Мора, ни Мелье).

Совершенно новое, чего никто из философов не выдвигал в качестве основы для появления самой частной собственности, а потом и имущественного неравенства – догадка Руссо о роли орудий труда, производительных сил. Руссо считал само появление собственности не случайным, а обусловленным общественным характером труда, его разделением. Он писал: «Пока они [люди – авт.] выполняли лишь такие работы, которые были под силу одному, и разрабатывали лишь такие искусства, которые не требовали сотрудничества многих людей, они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми, насколько могли быть таковыми по своей природе, и продолжали наслаждаться всей прелестью независимых отношений. Но с той минуты, как человек стал нуждаться в помощи другого, с той минуты, как люди заметили, что одному полезно иметь запас пищи, достаточный для двух, равенство исчезло, возникла собственность, стал неизбежен труд, и обширные леса превратились в весёлые нивы, которые нужно было поливать человеческим потом и на которых скоро вззошли и расцвели вместе с посевами рабство и нищета. Великий переворот этот произвело изобретение двух искусств: обработки металлов и земледелия» [3].

Здесь им, несмотря на некоторую непоследовательность, сформулирован материалистический подход к объяснению причин рождения частной собственности и, следовательно, изменения состояния свободы людей в обществе. И здесь же имманентно заключена идея диалектики самой свободы, её изменения, историчности. Хотя историзм в понимании свободы связывают с Фихте, это, вероятно, не совсем верно. Руссо прослеживает развитие свободы от её естественного состояния через регресс в государстве до полного упадка, разложения при деспотии и до оправдания революции как средства вновь обрести эту свободу во «втором естественном состоянии». Согласно Руссо, при деспотии люди вновь становятся равными между собой, перед деспотом они – ничто. Круг замыкается, народ вступает в новое естественное состояние, которое отличается от прежнего тем, что представляет собой плод крайнего разложения. В таком естественном состоянии всё держится на силе, на законе сильнейшего. Поэтому восстание против тиранов является таким же правомерным актом, как и те распоряжения, с помощью которых деспот управляет своими подданными. Повинуясь, народ поступает хорошо, но если он сбрасывает ярмо гнёта, он поступает ещё лучше. Только после этого можно опять осуществить переход к свободе.

Таким образом, Руссо выступил как идеолог насильственного уничтожения несвободы феодального общества, именно в этом качестве он вошёл в историю французского общества. Его политическая концепция оказала огромное влияние на развитие событий Великой французской революции. К ней обращались представители различных течений – от умеренных конституционалистов (Мирабо) до сторонников коммунизма (Бабёф). Но в практике революционных событий наиболее рьяным последователем

идей Руссо были якобинцы – Робеспьер, Марат и др. Именно в их деяниях проявились как сильные, так и слабые стороны учения Руссо о свободе.

Мы говорили об историзме свободы в учении Руссо, о её преимущественно материалистическом обосновании. Это сильная и новая сторона в этой концепции. В чём же слабость этого учения? Применяв диалектический подход, Руссо не сумел выдержать его до конца. Приняв в одной «связке» имущественное равенство и свободу в естественном состоянии как аксиому, он не понял, что в «новом естественном состоянии» их уже нельзя объединить. Лозунг французской революции «Свобода. Равенство. Братство» показал, что тогда ещё это было общим заблуждением. Лишь потом было выявлено, что свобода и равенство – ипостаси общества, которые находятся в весьма сложном соотношении. В частности, в 30-х годах XIX столетия известный французский политолог Алексис Токвиль (1805–1859) в работе «Демократия в Америке» рассмотрел эту проблему. Равенство нестерпимо без свободы, а свобода невозможна без равенства. Но само равенство неизбежно приводит к централизации, концентрации власти. И вообще демократии присущ централизаторский инстинкт. Личность в демократии избавляется от большинства групповых связей и остаётся один на один с государственной властью. Поэтому она стаёт жертвой её своеволия. То есть победоносная демократическая революция даёт свободу личности, а с другой стороны – её забирает. Устанавливается «тирания большинства». В этом состоит парадокс демократии [4].

Руссо, естественно, ещё не мог знать таких выводов, да они вряд ли могли что-то изменить в его концепции. Ведь уже в его время мыслители были озабочены проблемой ослабления всемогущего государства, а Руссо этот вопрос не интересовал. Наоборот, вся его концепция устройства власти вела к её безраздельному господству над личностью.

Суть её в следующем. По мнению Руссо, переход в состояние свободы предполагает, что каждый индивид отказывается от ранее принадлежавших ему прав на защиту своего имущества и своей личности. «Каждый из нас отдаёт свою личность и всю свою мощь под верховное руководство общей воли, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого» [3]. Вместо этого он приобретает гражданские права и свободы, в том числе право собственности. Индивидуальные права получают юридический характер, так как обеспечиваются взаимным согласием и совокупной силой всех граждан.

В отличие от других вариантов восприятия общественного договора, Руссо понимает его не как соглашение между подданными и правителями, а как договор между равными субъектами. Образуется ассоциация равных и свободных индивидов – республика. Индивид подчиняется не кому-то в отдельности, а всему сообществу, значит, по мнению Руссо, он «свободный», каким был раньше. Философ принимает как аксиому, что интересы ассоциации, «коллективной личности» не могут противоречить интересам частного лица. «Суверен, будучи

образован из составляющих его частных лиц, не имеет и не может иметь интересов, противоположных их интересам; поэтому подданные не нуждаются в гарантиях против суверенной власти, ибо невозможно предположить, чтобы организм захотел вредить своим членам» [3].

Главный стержень всей доктрины Руссо – мысль о том, что свобода автоматически будет обеспечена, если в обществе все будут иметь «равенство» и власть будет принадлежать всему народу. Под равенством Руссо понимал то, что «степень власти и богатства должны быть абсолютно одни и те же; что касается власти, она не должна доходить до насилия и применяться иначе, как в силу определённого положения и законов; а что касается богатства – ни один гражданин не должен быть насколько богат, чтобы быть в состоянии купить другого, и ни один – настолько беден, чтобы быть вынужденным продавать себя. Это предполагает со стороны знатных людей умеренность в пользовании имуществом и влиянием, а со стороны людей маленьких – умеренность в своей жадности и зависти» [3]. Здесь равенство провозглашается как наивысшее благо.

Что касается свободы как второго важнейшего блага, то Руссо связывал её также напрямую с усилением государства: «потому, что всякая частная зависимость равносильна отнятию у государственного организма некоторой силы» [3], т.е. Руссо полагал, что частная зависимость – несвобода, а зависимость от государства – это уже и есть свобода. Он пишет: «Если кто-нибудь откажется повиноваться общей воле, то он будет принуждён к повиновению всем политическим организмом; а это означает лишь то, что его силой заставят быть свободным, так как соглашение в том и заключается, что, предоставляя каждого гражданина в распоряжение общества, оно гарантирует его от всякой личной зависимости» [3]. Позже у Муссолини трансформировалось в тезис: «Загоним человечество к счастью пинками в зад».

Руссо полагал, что законы должен принимать весь народ, всё взрослое мужское население страны. Был против представительных органов власти. В таком случае нет необходимости в заботе об ограничении верховной власти естественными правами индивида, в системе разделения властей. «Общая воля народа всегда права». Верховенство народа проявляется также и в том, что он не связан предшествующими законами и в любой момент вправе изменить даже условия первоначального договора.

В противовес просветителям Руссо был против того, чтобы философы диктовали народу, что для него есть благо («философ на троне»). Народ сам знает свои интересы.

Особое отношение у Руссо и к религии. Он не был атеистом и не допускал свободы совести в государстве. Именно государство имеет право устанавливать символ веры. Руссо, конечно же, понимает, что государство не имеет возможности принудить кого-нибудь верить в установленные им догматы, но тем не менее оно должно всякого, кто в них не верит, изгнать из своих пределов. Такой человек

не может быть хорошим гражданином, неспособен принести себя в жертву долгу. А «если же кто-нибудь, признав публично эти догматы, ведёт себя как неверующий в них, то он должен быть наказан смертью: он совершил величайшее преступление: он солгал перед законами» [3].

Как видим, Руссо, начав с дифирамбов свободе, закончил тотальным подчинением человека суверену. И здесь неважно, как понимал Руссо саму религию (а он её трактовал весьма своеобразно как «гражданскую религию»). Суверен совершенно некомпетентен в вопросах неба, и не его дело, какая судьба постигнет подданных в будущей их жизни. Лишь бы они были хорошими гражданами в жизни земной. И вот тут государство устанавливает религию с такими догматами «чувства общности», которые исповедующий их обязан выполнять. Позже история столкнулась с подобным явлением, когда в качестве такой «гражданской религии» выступала определённая идеология – в частности, коммунистическая.

ВЫВОДЫ. Таким образом, мы видим, что доктрина Руссо концептуально лежит в иной плоскости, нежели главные идеи Просвещения. Если в целом просветители, начиная от Локка и далее, формировали теоретическую платформу либерализма, где исходным пунктом была свободная личность, то учение Руссо логически ведёт к тоталитаризму. На это можно возразить, что учение Руссо было «руководством к действию» для многих вождей Французской революции, покончившей с феодальной несвободой и заложившей основы буржуазных свобод. Но тут надо иметь в виду следующие три момента.

Во-первых, общественные процессы никогда полностью не совпадают с их идеологической оболочкой, а иногда даже ей противоречат. Вспомним, с какой безобидной моральной проповеди начина-

лась Реформация, которая впоследствии привела к появлению нового крыла в христианстве, к многочисленным религиозным войнам, отголоски которых слышны, даже столетия спустя.

Во-вторых, в идеях Руссо действительно отразились интересы достаточно широких слоёв, которые потом были задействованы в революции. Эти слои – мелкая буржуазия, где приоритет чаще отводился не свободе, а равенству.

В-третьих, в итоге доктрина Руссо, несмотря на всю энергию её апологетов в годы революции, так и не смогла практически осуществиться. Идеалы Спарты, так любимые Руссо, в Новое время уже не могли возродиться. Катаклизмы революции, вызванные якобинцами, смогли лишь «перепахать» общественную почву так, чтобы на ней не смогли взойти сорняки прежнего иерархического, сословного гнёта и подготовить почву для новой свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руссо Ж.–Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права. – М.: Соцэкгиз, 1938. – 385 с.
2. Руссо Ж.–Ж. Избр. соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1961. Т. 1. – 413 с.
3. Антология мировой философии. В 4-х томах. – М.: Мысль, 1969. Т. 2. – 864 с.
4. Токвиль А. Демократия в Америке. – М.: Республика, 1992. – 278 с.
5. Занин С. В. Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское Просвещение XVIII века. – СПб.: Мирь, 2007. – 535 с.
6. Длугач Т.Б. Три портрета эпохи Просвещения. Монтескье. Вольтер. Руссо (от концепции просвещенного абсолютизма к теориям гражданского общества). – М.: Изд-во Института философии РАН (ИФРАН), 2006. – 249 с.

JEAN-JACQUES ROUSSEAU ABOUT FREEDOM

A. Dzyabenko, D. Litvinenko

Kremenchuk Mykhailo Ostrohradskyy National University
vul. Pershotravneva, 20, Kremenchuk, 39600, Ukraine. E-mail dalant58@gmail.com

The views of the French enlightener Jean-Jacques Rousseau are analyzed about human freedom in society and its importance, like for both the individual and humanity as a whole. Based on the analysis of the thinker creation, the conclusions are drawn about the major contribution of the scientist to the understanding the category of freedom in comparison with his precursors. There are some antinomies in the attitude of the enlightener to the problem of freedom, which separate the creation of Jean-Jacques Rousseau from the ideas of other representatives of the Enlightenment period and bring it together with a philosophical thought of the XIX–XX centuries.

Key words: freedom, enlightenment, civil rights.

REFERENCES

1. J.–J. Rousseau. *The Social Contract or Principles of Political Right*. – М.: Sotsekgiz, 1938. – 385 p.
2. J.–J. Rousseau. *Selected writings in two volumes*. М.: Mysl, 1961. V.1. – 413 p.
3. *Anthology of World philosophy. In four volumes*. М.: Mysl, 1969. V.2. – 864 p.
4. A. Tocqueville. *Democracy in America*. – М.: Republic, 1992. - 278 p.
5. S.V. Zanin. *Social Ideal of J.-J. Rousseau and French Enlightenment of the XVIII century*. – СПб.: Mir, 2007. – 535 p.

6. T. B. Dlugach. *Three Portraits of the Enlightenment. Montesquieu. Voltaire. Rousseau (from the concept of the enlightened absolutism to the theory of civil society)*. – М.: Publishing of the Institute of Philosophy of RAS - Russian Academy of Sciences (IPRAS – Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences), 2006. – 249 p.

Стаття надійшла 5.03.2012.

Рекомендовано до друку
к.і.н., доц. Маслаком В.І.

